

КАРТА ИСЧЕЗАЮЩИХ ДНЕЙ (3D NEO)

Эмиль Петросян

2003

ТОЧКИ

1.

Есть такая игра: рисуешь на чистом листе точки, нумеруешь их, а затем соединяешь их через зеркало. Первое время ты ведешь линия не в том направлении, но затем через несколько минут ты начинаешь понимать, как это работает. Мозг адаптируется, переставая замечать, что между ним и реальностью стоит зеркало.

2.

При исследовании иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах Генрих Хакен обратил внимание на тот факт, что в экспериментах, проведенных на эмбрионах, клетка из центральной части тела после пересадки в головной отдел развилась в глаз.

Не исключаю, что любая вещь может превратиться в любую другую. Это как алхимия для всего. Если в основе всего лежит, не материя, а информация, то это вполне возможно. Может ли тогда один человек превратиться в другого? И что значит быть другим человеком?

3.

На начальных этапах ознакомления с предметами, мы не знаем, чем они станут для нас через некоторое время. Перед нами целое множество возможных решений. Сейчас мы даже не подозреваем, что некоторые вещи в нашем окружении станут нам родными. Вот мои заметки 10-летней давности, и я читаю их как записки последнего человека на Земле.

4.

Есть одна очень интересная история про то, как однажды в школе учительница показала ребятам простую круглую чашку и предложила нарисовать ее. Сидящий

впереди мальчик долго смотрел на чашку и, наконец, поднял руку. Он был маленького роста и поэтому казался младше всех других.

-Можно, я нарисую не чашку, а то, чего я никогда не видел? – спросил он.

-Что же ты хочешь нарисовать? – удивилась учительница.

-Дерево эвкалипт, - сказал мальчик задумчиво.

-Нарисуй, - согласилась учительница.

Мальчик некоторое время молчал и смотрел перед собой.

Потом опять поднял руку.

-Можно я нарисую то, что видели только некоторые? – спросил он.

-Объясни, пожалуйста, что это такое, - сказала учительница с интересом.

-Синяя птица, - сказал мальчик очень серьезно.

-Пожалуйста, рисуй синюю птицу, если тебе так хочется.

Весь класс старательно скрипел карандашами. Но мальчик, спустя какой-то срок, снова поднял руку.

-Я хотел бы нарисовать то, чего никто никогда не видел, - сказал он тихо. - Можно?

-Например?

-Мамонта, когда он просыпается, - сказал мальчик виновато.

-Мамонта? – переспросила учительница, внимательно глядя на него.

-Мамонта, - вздохнул мальчик.

-Ну что ж, - сказала учительница. – В конце концов, можно и мамонта.

Урок закончился, весь класс отдал учительнице тетради, где была старательно нарисована круглая чашка с ручкой. Только перед мальчиком лежал чистый лист бумаги. Мальчик хотел нарисовать эвкалипт, синюю птицу, просыпающегося мамонта и не нарисовал ничего. Но весь урок он видел их, видел огромное красное дерево с голубой тенью, стаи попугайчиков, которые клевали его цветы, волшебную птицу счастья, видел мамонта, медленно выходящего на луг, поросший гигантскими цветущими яркими травами. Он видел их, восхищался ими, стремился их нарисовать, но его маленькие пальцы были слабей, чем его воображение: лист бумаги остался чистым. Мальчик не выполнил задания. Учительница была вправе поставить двойку. Но она не сделала этого... Она угадала в мальчике поэта.

5.

Все движется, все изменяется. Кадры сменяются друг за другом и пропадают в реке времени. Их больше не извлечь, мы можем их запомнить такими, какими они нам показались. Но на этом все – время не возвращается. Возможно, стрела времени – просто миф, в который нам приходится верить, потому что пока заглянуть глубже в реальность мы не можем.

6.

Любовь – это жизнь в жизни. Вы вступаете в нее новорожденным и покидаете ее стариком. В ней свои системы отсчета, свои законы, свое пространство и время. Еще вчера я заново открывал для себя человечество. Я слушал людей и у меня возникало такое чувство, будто я стал понимать язык зверей и птиц. Мы все просто звери, которым снится, что они люди. День-деньской мы бродим по технотронным джунглям в поисках подпитывающей наши инстинкты новой жертвы. Мы рискуем быть съеденными. Мы боимся попасть в один из расставленных повсюду капканов. Мы отчаянно деремся за место под солнцем, постоянно оглядываясь по сторонам и передавая ощущение тревоги нашим детям. Мы пытаемся вслушаться в наше сердце, измаранное счетами и обманутыми мечтами. Мы бежим. От двери к двери, от окна к окну, от стола к столу, от человека к человеку, от света к свету. Я все никак не могу привыкнуть к этому. Во время любви вселенная останавливается – вот и сейчас для меня остановились все природные и общественные процессы, остановились люди, остановились птицы, остановились цвета. Время индивидуально, оно у каждого свое и не пересекается ни с чьим другим.

7.

Я рисую ее, где придется. Я еще помню ее смех. Мы были чем-то очень похожи. Это хорошо видно на наших совместных фотографиях. Я старался оставаться реалистом, но она мне не оставила ни одного шанса. Мне приходилось улетать в воображаемые миры, чтобы наша с ней связь казалась реальной. Все течет, все изменяется. С каждым днем она удаляется все дальше и дальше, превращаясь в точку.

8.

В тот день солнце проникло в мой дом, как вор. Я проснулся почти полностью выжатым из своих снов в собственную постель. Мне снова приснилась она, и на этот раз вместо одежды она носила размазанное по всему телу подсолнечное масло. А я сидел в колодце с пистолетом в руках и дрожал от холода. Сверху на меня смотрели люди, много людей, и у них были одинаковые лица. Они показывали на меня пальцами и загораживали мне солнце. Я падал вниз.

9.

Первой идеей было бежать. Впрочем, это случается со мной практически каждое утро. Паника. Я понял – пора писать книгу. На этот раз книга должна быть всем одновременно – и комиксом, и монографией, и гороскопом, и статьей, и руководством по эксплуатации, и самоучителем, и календарем, и сказкой, и доносом, и проездным билетом, и политической картой, и инженерным чертежом, и сборником анекдотов, и приглашением на несуществующее мероприятие, и компьютерной программой, и планом эвакуации, и справочником по предоставлению первой помощи, и схемой электроприбора, и киносценарием, и икебаной, и космическим посланием, и приемом карате, и графиком выполнения работ, и ритуальным заклинанием, и туристическим маршрутом, и диджейским сетом, и инструкцией по катапультированию, и проведением реставрационных работ, и исповедью бога перед человеком.

10.

Впервые о феномене эгоцентричности речи заговорил Жан Пиаже. Он заметил, что ребенок наряду с социализированным общением, то есть направленным на конкретного собеседника, очень часто говорит сам с собой, ни к кому не обращаясь. В данном случае эта, названная Пиаже эгоцентрической, речь – признак незрелости детского мышления, она не приносит никакой пользы, лишь сопровождая, как аккомпанемент, другие действия ребенка, а потому она обречена на отмирание в процессе взросления. Или нет. Моя речь и в самом деле аккомпанемент моих действий.

И наверно именно в силу эгоцентричности моей речи центральными персонажами моих работ всегда выступают не люди, а мысли. Таким образом, книги – просто модели, с которых я пишу литературную картину. В одних моделях мне нравится одно, в других другое. Моя книга всегда является собирательным образом актуальных и, очевидно, знакомых мне на данном этапе моего развития, книг. Это как писать картины с картин. Это как совершенно зеркальные залы, в которых теряется не только ощущение реальности пространства, но и сама необходимость в наличии данной реальности.

11.

Как-то раз на фоне моих очередных пространных размышлений вслух, Карл рассказал мне о том, что написал стихотворение “Нацист”, основным лейтмотивом которого являлась фраза “Я нацист по национальности артист”. В этом что-то было, хотя образ артиста для меня скорее складывался в религиозной развернутости. Артист как мессия, как спаситель человечества, как гарант духовного прогресса, как бог, который жертвует собой ради человечества.

12.

Авторское алиби. Где вы писали в пятницу вечером? Кто-нибудь может это подтвердить? Как долго вы писали?

Теперь, когда мое алиби в какой-то степени надежно, я могу подумать о планировании других преступлений. Ведь, в конечном итоге, роман – всего лишь маска, которую надевает Автор, чтобы совратить Читателя.

13.

У Достоевского все преступления содержали в себе наказание. А наказание провоцировало страх. Кстати, о страхе. Наконец она написала мне ответ. “Спасибо, это было очень мило с твоей стороны. Я думала, ты про меня уже совсем забыл... но ты даже вспомнил о моем Дне рождения... Признаться, я тронута {Я вообще девушка немного тронутая}. Кстати, мне еще не удалось прочитать твой подарок (с этим компом что-то не так). Кстати, с личной жизнью

у меня и вправду все сложилось неплохо – в день моего рождения состоялась еще и помолвка. Я не хочу, чтобы мы так расстались. НЕ ХОЧУ! Придумай что-нибудь!!! Что бы ты ни решил, я все равно буду вспоминать тебя, и мое сердце будет наполняться теплотой, и я буду знать, что где-то на земле у меня есть Друг, которого я очень люблю”.

14.

Надо сказать, что в тот день, когда я получил от нее это волшебное послание, меня до позднего вечера грузили в университете. Это было связано с предварительной защитой диссертации и экзаменационными билетами по дисциплине, которую я преподаю. Словом, я до этого месседжа около часа безмолвно сидел у своего научрука, выслушивая острую критику без каких-либо предложений все это исправить. Я не понимал, что мне делать с диссертацией. Мне она нравилась. Это неоднозначное состояние держалось вплоть до того, как я увидел в мониторе ее заветное письмо. Все вдруг стало цветным и стук колес прекратился. Я наконец проник в Зону.

15.

Я долго сидел и думал, что бы написать ей в ответ. Я всегда ассоциировал ее со своей матерью. Она такая же женственная, как и моя мать. И у нее такие же дорогие мне глаза. А ее теперь уже мужа зовут точно так же, как и моего отца. Поэтому первым, что мне пришло в голову на “Придумай что-нибудь!” было “Почему бы вам не усыновить меня?”.

16.

Но подумав еще немного, я все же написал письмо, выдержанное в строгом дипломатическом стиле. Я пообещал ей быть другом, братом, кумом, сватом – кем угодно. И наконец вычеркнул ее из списка.

17.

Что же происходит с людьми, которых я вычеркиваю из списка, то есть с людьми, с которыми я перестал общаться. Они для меня мертвы. Поэтому в какой-то степени расцениваю ее письмо как предсмертную записку.

Иногда я встречаю этих людей, но они для меня как призраки. Их не существует, мне кажется, что они просто мне являются. Я их боюсь. Я их очень боюсь. Они острее всего напоминают мне о смерти.

18.

Где-то в районе вечера я обнаружил в своих записях Неопознанный Литературный Объект. Я сидел и пялился в свой маленький черный блокнотик, куда я записываю всякую всячину, под телевизор, который работает так громко и прямо под ухом, как рокот отбойного молотка.

Ереванская зима без отопления. Вся наша семья теперь живет в одной комнате, остальные комнаты на этот период не обжиты. Родители смотрят телевизор и пьют чай.

Я ушел в неотапливаемую комнату, в абсолютную темноту, и думал о том, что так и не смог записать ни одного альбома, что наши музыкальные записи, которые хранятся у Карла и которые позволяют мне услышать себя, находятся в таком ужасной состоянии, что и представить невозможно. Я понимал, что скоро день рождения девушки, которую я люблю. Я понимал, что между нами есть какая-то невидимая граница, не позволяющая нам пробиться друг к другу: мы просто маленькие рыбки в соседних аквариумах. Мы видим друг друга, но не слышим, не ощущаем.

19.

Я сидел, обхватив голову руками, и слушал голос Джима Моррисона, а потом собрался силами и написал стихотворение «Я сползаю».

«Я сползаю с отражения в зеркале,
Я сползаю со своих фотографий,
Я сползаю из своих записей,

Я сползаю.
Еще вчера я трогал ее за зад,
И она смеялась,
Я держался за ее грудь,
И я не сползал.
Но сейчас я сползаю.
Сползаю».

20.

Когда мне было около 15 лет я написал поэму о змеях. Эти змеи были линиями, такими змеями были полны улицы и дома, озера и леса. Я словно шел по пустыне, кишасей видимыми и невидимыми змеями. И когда я смотрел на себя, то видел, что тоже состою из змей.

21.

Я измыслил три непохожих друг на друга романа. Первый назывался “N”, второй “E”, а третий “O”. Сейчас, в процессе их материализации, приходится эти уже довольно целостно сложившиеся романы объединять, поскольку, как все же оказалось, первый в отрыве от второго и тем более третьего не представляет собой ничего особо вразумительного.

22.

Просто удивительно, как города напоминают зоопарки. Люди, размещенные в одно-, двух-, трех- и более секционные клетки квартир. Это особые виды зоопарков. Это такие зоопарки, в которых не люди смотрят на зверей, а звери смотрят на людей. Некоторые давно гладиаторствуют на крупнейших аренах мира. Рабы всегда выбирают рабов – такова специфика власти. Все, как всегда.

23.

В прошлом году в Мариенбаде я услышал от своего собеседника бамбара рассказ о судьбе его брата. В нем, в частности, содержалось упоминание о превращении

брата в обезьяну и о смерти его в таком обличье от рук амазонок. Возможность мистификации исключается.

Улицы наших городов – просто пещеры, населенные первобытными людьми. Мне часто кажется, что я этнограф, попавший в неизвестное и чудом сохранившее свою первобытную уникальность племя. Я собираю материал для своих исследований, хожу за всеми и записываю мифы, легенды, предания. Часами детально описываю ритуалы. Но между нами – все та же раздвигающаяся пропасть.

Отца одной утащили драконы, несколько тысяч лун назад на племя напали людоеды-великаны, чудовища, вампиры. Трансформация мифов через телевизор. Ничего с первобытных времен не изменилось, кроме одного: племя сократилось до одного человека, каждый современный человек – это ходячее племя, со своим тотемом, шаманом, старейшинами, охотниками, женщинами, детьми и скотом. И если первобытные люди вводили в свой быт элементы разделения труда, то сегодняшний человек объединил все необходимые для своей жизни человеческие способности в самом себе.

24.

То же касается и эротизма. Вначале, еще в школе, мне нравились женские ножки, я обращал внимание только на них. Наверно потому, что одноклассницы еще не обзавелись грудью, поэтому я довольствовался видом их гладких ног. Я мог спутать девочек по лицам, но всегда узнавал их по ногам.

Потом мне стала нравиться задница. И я стал смотреть только на задницы, и если по городу ходила какая-нибудь симпатичная попка, то, как правило, я лунатически следовал за ней следом.

Наконец, наступил третий период – сиськи. Это был самый зрелый период. Ведь женская грудь – признак материнства, а ее носительница – потенциальная мать, это наполненность жизнью, часть которой можно передать новому существу.

Иными словами, я перечислил три парадигмы своего взросления. И каждый раз это было как переворот в мышлении, как научные революции Т. Куна, как наступление новой эры. Эры милосердия.

25.

Теперь немного бытовухи. С самого утра мне испортил настроение Карл, сказав, что книги, которые я попросил его взять для меня из американского университета, уже просрочились и придется платить штраф.

Вот уж и в самом деле хрень, никогда еще мне не приходилось платить штраф за книги. В последнее время я все чаще ощущаю, что это книги должны платить мне штраф. Тем не менее я собрался и поехал в библиотеку.

Карл сказал, что если будет светлая молодая девка, то она деньги не возьмет, а если темная старая перделка или зрелая баба с мешками под глазами, то штраф придется заплатить.

ОК – решил я. Обычно мне везет, если, конечно, не считать тех случаев, когда мне совсем не везет. Итак, я вхожу в здание американского университета. В дверях меня останавливает какой-то приземистый рыб. Он требует у меня пропуск. Я сказал, что здесь не учусь и иду в библиотеку, он попросил предъявить пропуск в библиотеку, - что за гребаные танцы! – я сказал, что еще только иду записываться.

Рыб сказал «ну ладно» и попросил оставить запись в журнале входящих и выходящих млекопитающих. Было четыре графы – Ф.И.О., место следования, время входа и выхода. Я написал, что следую в “toilet”. Рыб подозрительно посмотрел в анкету и сказал, что американцы боятся арабских террористов, поэтому шутить здесь не надо.

Потом я зашел в библиотеку. На мое счастье, мой визит пришелся на смену той старой птицы и той с мешками, насчет встречи с которыми меня уже предостерегли. Но что делать, пришлось заплатить штраф, на меня как-то озабоченно посмотрели типа не мог раньше сдать. Я вышел из этого вертепа капиталистического разврата и направился к другому не менее притягательному вертепу.

26.

Я шел в НИИ. Через пару месяцев мне здесь защищаться. И было солнце, и был снег. Еще свежий глубокий чистый снег переливался в солнечных лучах. Было тепло. Я проходил мимо общаги, где в основном обитали иностранцы. И тут такой сюр – в паре десятков метров от меня по заваленным белым-пребелым снегом

рельсам шли три темнокожих. Они шли медленно, тщательно изучая снег у себя под ногами. Три агнца небесных в негативе. Снежная зима в Нигерии. Некоторое время они еще находились в фокусе. А потом растворились в снегу.

Я закончил свои дела и пошел на остановку. Мимо остановки проехало несколько скотобойных грузовиков с млекопитающими в солдатской форме. А рядом со мной стоял мужик, у которого кисть дергалась точь-в-точь, как у Тома Хэнкса в “Спасая рядового Райена”. Я оказался на передовой. И вокруг меня грохотали плотно спрессованные изнутри маршрутные такси, разрывающиеся осколками зыркающих во все стороны пассажирских глаз.

27.

Отчаявшийся человек ищет причины своих бед в себе. И такой поиск может стоить ему жизни. Самое страшное в этом то, что человек, копаясь в себе, может найти себя мертвым или оказаться заживо погребенным и стать ходячей могилой самого себя. Но это также дает возможность выкопать свой еще живой внутренний мир, вдохнуть жизнь в свое вымирающее Я.

28.

Слово. Просто товарная форма. Мы производим мысли, мы торгуем мыслями, мы рекламируем мысли. Мы можем обменять крупную словесную купюру на купюры помельче. Существует котировка слов, инфляция слов, девальвация слов, баланс слов, отрицательное или положительное сальдо слов. Я просто маклер на бирже слов. Но многие слова до сих пор не втянуты в производственный процесс. Эффективность слов зависит от их количества обращений и их скорости. Таинственность товарной формы вероятнее всего состоит в том, что она является зеркалом, которое отражает людям показной характер их труда, направленного на овеществление качеств, присущих им от природы.

29.

Когда я говорю, я разделяюсь на говорящего и слушающего. Я одновременно и восхищаюсь собой и хочу себя прикончить. Мне хочется вставить слово в свою

же собственную речь. Мне хочется развалить эту речь. Мне хочется противодействовать себе, но что-то заставляет меня подавлять самого себя. Кто бы со мной ни говорил, я всего лишь делаю вид, что понимаю. На самом деле, идет синхронный перевод на язык моего мира. И этот переведенный текст я не могу соотнести в своем мире ни с чем. Поэтому мне приходится составлять новые референции и вводить их в свое измерение. Тем самым я ужасно захламляю свой мир, но иначе я перестану понимать людей. Я просто окажусь в сумрачном лесу. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что данный перевод нетранзитивен, но я не могу иначе. Это как приговор – в моем мире все говорят моими словами.

30.

Недавно меня пригласили на заседание в союз молодых либералов. Мне, как экзистенциалисту и просто человеку фрейдомарксистской ориентации, было интересно, что же такое либерализм. Итак, это был круглый стол, за которым сидело человек 15. Половина – бабы. Говорили о том, что либерализм – мировоззрение, идеология, образ жизни. Но никто не сказал, что либерализм – лучшее средство залезть в жопу капиталу. Мне запомнились. Первый – мой одноклассник, который с каким-то плюшевым пафосом рассказал мне, что учится в Славянском университете на факультете политологии, занимается PR и “другими политическими психотехнологиями”. Второй – “истинный либерал” напоминает омерзительных героев Эдгара По, с каким-то блокнотом, в который постоянно что-то записывал с самым серьезным видом. Третий – на вид самый настоящий активист, который относил к либерализму все, что увязывал со свободой. Четвертая – монобровная сельскохозяйственная телка с каким-то кулинарным взглядом на политические проблемы. Пятая – симпатичная телега с акирокуросава- персиковыйсадовым задом. Я ей приглянулся, и она не упустила ни одного случая мне улыбнуться. Шестая – усатая особа лет тридцати с большой грудью и травоядным лицом. И наконец седьмая – стройненькая телочка, с классными сиськами и прочими чувственными причиндалами. Короче, “мой тип”. Она вошла в очках. Я на минуты две отвел от нее взгляд, выделив ей время на то, чтобы она могла расположиться поудобнее, да и я тоже. Через пару минут я посмотрел на нее – очков на ней не было. Через несколько минут она заговорила, и словно заиграла волшебная дудочка, пробудившая спящую в мешке мою змею. Моя змея и в самом деле проснулась, и потянулась к ней.

Я прослушал пространные речи участников этого семинара. Потом познакомился с красоткой, которая мне приглянулась. Она тут же заинтересовалась, где я работаю. Я сказал, что преподаю в университете. «А я думала в банке», - вдруг сказала она. «Да, работал когда-то, но ушел, не понравилось, не мое».

31.

Приспосабливаться можно до определенного предела. Буржуазное общество, говаривал дедушка Ленин, основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо другой работает на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб.

32.

Часто я вспоминаю один случай из моей жизни. Ранним утром 29 марта 1995-ого года в моей комнате раздался телефонный звонок. Мне сообщили, что скончался мой друг детства. Он был ранен на войне. Я заходил его проводить около недели назад. Он лежал весь перевязанный и постоянно ругался. Я тогда не знал, что ранение смертельное. Я пытался шутить, но он не смеялся. Он мне говорил, что не хочет, чтобы я уходил. Он хотел, чтобы мы вместе вспомнили наше детство. Я и подумать не мог о том, что он умрет, поэтому я, несколько не смущаясь, стал наводить у него справки об обслуживающей палату молоденькой медсестре. Мне было 17, ему шел девятнадцатый год. Он смотрел мне в глаза и не мог промолвить ни слова. Он словно попытался представить себя моими глазами. Ему было трудно есть, трудно спать и ходить в туалет. А солнце с каждым новым утром все ярче заливало палату светом и теплом. Я не верил в его страх, и поэтому, сказав, что выхожу покурить, убежал домой.

33.

Встреча с Лео в тот день не произвела на меня особого впечатления – больной человек с больным взглядом и больными речами. И вдруг сегодня этот звонок. Все сразу стало шатким, хрупким, ненадежным, неопределенным. Ведь еще полгода назад он мне рассказывал об одной шлюшке, у которой так хлюпало во время секса, что ему казалось будто он прочищает канализационную трубу. У него

была любимая девушка, которая даже не подозревала о его существовании. У него наверняка остались воспоминания о том, как в годы энергетической блокады мы детьми ходили в центр за хлебом и уже ночью, рискуя жизнью, пробирались с ворованным хлебом мимо многочисленных кордонов милиции.

Он наверняка помнил, как за год до его смерти мы покупали себе точь-в-точь нирвановские кеды, в которых я проходил всю зиму. Он точно вспоминал, как нашу на тот момент многочисленную братию ловила и шмонала милиция, и как я всех спасал своим паймальчиковым видом. Он вспоминал своих сестер и родителей. Он вспоминал, как много надежд в семье было связано с ним. И теперь он лежит с переломанной грудиной и пулями в плече и животе, боясь пошевелинуться, и рядом спит держащая его за руку мать, а в соседней палате за отделением ебет последнее увиденное в его жизни юное женское существо.

Через месяц наша в то время совсем панковская группа давала концерт. Нас было пятеро – я, Карл, Бык Маллиган, Слейер и Клап. Я пел песни, Карл лабал на гитаре, Слейер на басы, Маллиган тоже играл на басы, хотя на самом деле не играл ни на каком инструменте, а Клап жарил на ударных.

Мы, конечно, ни хрена не репетировали: так, пару раз собирались то у Трэша на флэте, а то и у Гутгенхайма в мастерской – и бухали под гитару. Я помню песню, которую мы написали и исполнили в память о Лео. Я также помню, как на концерт пришли наши друзья. И как пришел Сэм со своими институтскими телочками. И как нас всех завалили цветами, хоть мы и обосрали всю концертную малину. И как потом Карл подрался из-за телки, а я паялся на Слэшку – курчавую сексапильнейшую телочку в красной мини-юбке. Да рок-н-ролл был жив. А теперь все разъехались и растащили с собой весь рок-н-ролл и все наше детство.

34.

Сейчас ко мне подходит мама. Она заглядывает в монитор и гладит меня по голове. Я свернул файл.

– От твоей головы опять пахнет сальным запахом.

– Так пахнут мысли, мама.

35.

В то утро я проснулся чудовищем. Мне и в самом деле лень было сходить в магазин. Несмотря на раннюю весну, на улице еще стоял трескучий мороз. Я лежал под одеялом и думал о всякой всячине, о том, что не мешало бы сейчас позавтракать. Совершенно не хотелось вставать, хотелось просто лежать и не шевелиться, чтобы не спугнуть это драматическое состояние, которое приходит ко мне всякий раз, как я получаю электронные письма с нехорошим содержанием.

В этот раз содержание было следующим: “Привет! Извините, вас в детстве не роняли? То, что вы написали и разместили на сайте, - маразм! Мне жаль потраченного времени! Особенно отвратительны фрагменты, которые вы описываете с членом наперевес. Бедный мальчик, которому не с кем!”.

Трудно сказать, о чем я думал конкретно. Все так перемешалось. Я думал о бессмысленности и бесполезности писательской профессии. Я думал о странной иронии судьбы – о русскоязычности моей литературы.

Я вспоминал Джойса, гениального англоязычного писателя, который терпеть не мог англичан, и последние отвечали взаимностью не только ему, но и всему ирландскому народу.

Я вспоминал немецкоязычного Кафку, который обогащал своим гением язык, на котором говорили люди, через какое-то время зверски истребляющие его народ.

Я вспоминал себя, чужого в Армении, благодаря своей русскоязычности, и такого же чужого в России, благодаря своей нерусскости.

Я хотел уехать, мне просто необходимо было уехать: Джойс, Беккет и Ионеско в свое время смылись во Францию, куда же смыться мне?

Я просто лежал и думал о том, что все гораздо сложнее. Я понимал, что единственный город, в котором мне хотелось бы жить – Ереван. Потому что здесь тепло, и потом здесь моя мама. Но я также понимал, что пока меня не признают где-нибудь за границей, сюда мне дороги нет.

36.

Платон в своем “Государстве” собирался выгнать поэтов из Города. Он считал их бездельниками, паразитирующими на теле общества. Удивительно, как ему

удавалось сочетать “мир идей” и убежденность в необходимости максимальной рентабельности каждого члена общества. Странно, как мимо Платона прошло то, что люди, выискивая себе спасение, идут не за людьми, а за идеями.

37.

Как-то я бродил по одной из центральных улиц мимо бутиков и супермаркетов. Я захлеб пил кока-колу, с переплатой приобретенную минут десять назад в одном дорогом магазине. Я переплатил, чтобы меня обслужили по-человечески. Нам просто необходимо время от времени прибегать к услугам людей, проявляющих человеческое отношение. По правую руку торчало здание банка, в котором я мучался два года своей еще совсем молодой жизни. Уже теплело, и солнце играло в волосах студенток, прогуливающих лекции.

Я зашел в книжный. У меня появился какой-то новый страх. Прогуливаясь по улицам, мне казалось, что кто-то постоянно в меня целится и в любой момент может пристрелить, как собаку.

38.

Вычитал где-то про эпоху Гэнроку, когда особо ценилось “искусство цитаты”. Для этого наставник отбирал наиболее толковых учеников и годами обучал их возможностям воображения. Смысл этого искусства можно передать следующим образом. Ткань произведения, будь то роман, пьеса или даже лирические стихи, словно особо прочной нитью, прошивалась цитатами из знаменитых работ без упоминания имени автора. Это не было литературной кражей, а тем более нарушением авторских прав. Просто письмо в данном случае уподоблялось рыболовной снасти, которую забрасывают в море обученных грамоте людей, чтобы наловить постоянно мигрирующие в разных направлениях косяки читателей. В данном случае действовать надо было наверняка - массового читателя мог удержать только авторитет письма.

39.

Сегодня все происходило в замедленном темпе, словно я завис во времени. Я сидел в маршрутке и смотрел в окно. Уже март. Весенние сиськи. Но все было словно в рапиде. И мне показалось, что я еду в одном из микроавтобусов парка юрского периода и взираю на искусственно вызванных к жизни давно вымерших животных.

40.

А вечером, когда я возвращался домой, я по дороге случайно проехал ад. Я уже вышел из метро в гигантский кольцевой подземный переход. Мелкие торговцы уже убрали свой товар. Как вдруг со всех сторон, со всех лестниц в подземку посыпало бомжами. Люди все прибывали и прибывали. Их было очень много. Изодранные, грязные, измученные, патлатые, в скрепленной всевозможными булавообразными зацепами одежде, одичалые и трусливые, как беспризорные собаки. Они спускались с картонками, деревянными ящиками, кусками фанеры и разноцветными целлофанами. Канализационный сток общества. Я стоял и наблюдал за этим действием около получаса. Люди, которые видимо жили на том самом месте, где я стоял, топтались в сторонке, боясь меня потревожить. Это была пара людей с гнусно покорными лицами и выпавшими зубами. Они распивали пластмассовую бутылку с водой. Я начал потихоньку уходить. “Парочка” расположилась на “моем” месте. Я видел, как они доставали из пакета недогнившие остатки еды, которые им удалось насобирать по мусорным бакам. Я видел, как местами образовывались застолья. Люди переходили от одного “столика” к другому, обмениваясь новостями. Похоже, они полностью свыклись с жизнью бомжа. Это было параллельное измерение. Я был здесь, неподалеку. Я ощущал себя пришельцем или путешественником во времени. Я наблюдал их как самостоятельный биологический вид. Я не понимал, как же так произошло, что люди перестали обращаться к людям за помощью. Бомжи не просят милостыни. Они не подходят к “состоявшимся” людям с протянутой рукой или немислимыми сентиментальными историями. Они обращаются к мусору.

Они ходят среди целого множества людей: спешащих на работу, отводящих детей в школу, детский сад или к няне, выходящих с покупками из магазинов хозтоваров, супермаркетов и бутиков, прогуливающих и смеющихся возле

достопримечательностей и сидящих в комфортабельных уютных кафе, мечущихся с отксеренными шпорами по универсам.

Это зрелище меня потрясло до глубины души. После наступления темноты мой любимый светлый и прекрасный город превращался в настоящий ад. Я не мог в это поверить.

Вероятно, при капитализме к фундаментальному страху смерти примешивается фундаментальный страх остаться без средств к существованию. Сегодня в обычной капиталистической стране никто не застрахован от возможности стать бомжом. Все мы знаем историю Маугли, историю человека, одичавшего среди зверей. Но ведь сегодня мы встречаем ЛЮДЕЙ, ОДИЧАВШИХ СРЕДИ ЛЮДЕЙ.

41.

Подытоживая все сказанное выше, я хотел бы сказать следующее.

Мир, в котором жил Эмиль Петросян, был печален: король-дегенерат, беспризорники, больные и прислуживающие дети, оборванцы, калеки, карлики, убогие и уродливые старики, прокаженные, инквизиторы и бездушные торговцы, продажные женщины, скоморохи и монахи. Это был мир одиноких и безжалостных людей. Это был мир громадных рыночных площадей и страшных катастроф, повальных эпидемий и кровожадных мародерских войн.

Это был мир, который обречен продолжаться вечно.

ЛИНИИ

42.

Вербализация триптиха "Эмиль Петросян".

Три графы, как эквалайзеры текста. Или тьюринговская игра в имитацию. В одной из этих граф сидит автомат.

e2-e4. Основной старт в дебютах. Начало экспоненциального роста.

43.

Человек создал машину по своему образу и подобию, точно так же, как и когда-то человека создал бог. Люди пережили богов, кто же переживет нас? Машина. Она ведь так совершенна – у нее нет эмоций, она холодна и рассудительна, она не скована социальными императивами, она не пытается разобраться в смысле своей жизни или истоках социального неравенства, у нее нет семьи или близких родственников, ради которых приходится день ото дня множить свои социальные роли, она не подвержена никакому психологическому воздействию. А главное – она беспринципна: у нее нет интересов или убеждений, которые она бы могла отстаивать даже ценой своей жизни. Ее невозможно оскорбить или унижить.

44.

Видимо, Маклюэн был прав, когда говорил о “водородной бомбе” книгопечатного станка Гутенберга и переходе от аудиовизуального к визуальному характеру нашего мышления. Ведь все на свете можно представить в качестве языка или речи. Человек является человеком ровно до тех пор, пока жив его язык, способность передавать информацию и распознавать свои эмоции. Язык – это бытие. Язык – это мышление. Язык – это сознание и самосознание. Язык – стартовая площадка корабля знания, устремленного в вечность.

45.

В тот вечер я спал, как убитый. И это было, как если бы я спал во сне, в котором сплю и вижу сон как сплю, в котором вижу сон как сплю, в котором вижу сон как сплю и т.д.

46.

Комната, где жил Даниил Хармс, была обставлена более чем аскетически. Может быть, поэтому внимание посетителя сразу же привлекал странный предмет, причудливо громоздящийся в углу. “Что это?!” – изумленно спрашивал посетитель. – “Машина”. – “А-а-а... откуда она у вас?”. “Собрал сам!” – не без гордости отвечал Хармс. - “Что же она делает?”. - “Ничего не делает”. – “Ммм... зачем же она?”. – “Да так, захотелось иметь дома какую-нибудь машину”.

47.

How Emil puts his Petrosyan on. How Emil takes his Petrosyan off.

Летатлин. Парапетросян.

48.

В “Картезианских размышлениях” Гуссерль утверждает, что даже в непосредственных аксиомах познания, таких как “я мыслю, следовательно, я существую” Декарта, в действительности имеется по крайней мере два субъекта, два “Я”. Одно – это то, которое мыслит, “эмпирическое”, “конкретное” “Я”. Другое – то, которое как бы заставляет сказать “Я мыслю” или “Я воспринимаю мир”. Первое, эмпирическое “Я” само принадлежит миру, и по Гуссерлю, должно быть устранено из теоретического рассуждения. Тогда и произойдет “феноменологическая редукция”, совершится “эпохе”, а оставшееся “второе” “Я” послужит основой философского анализа.

49.

Можно ли вербализовать огонь, озвучить картины Раушенберга, выточить из дерева музыку Шенберга? Можно ли высказать телефон, паспорт, водительские права?

50.

Я взял трубку. По ее голосу я понял, что у нее плоская задница.

Я видел ее во сне. Это был электронный сон. Мы были с ней киборгами. И у меня в голове что-то постоянно замыкало. Потом меня разобрали, и за счет моих разобранных частей усовершенствовали ее модель.

Каждый раз, общаясь с каким-нибудь далеким от искусства человеком, я пытаюсь перед оправдать его существование.

51.

По иронии судьбы я родился и живу в стране РА (Республика Армения). Ра – наиболее непонятный и, видимо, в силу этого наиболее известный из древнеегипетских богов. Имя Амон-Ра объединяло фиванского бога Амона и гелиопольского бога Ра. Такое слияние двух богов в одно божество было результатом религиозной спекуляции жрецов. Авторитет малоизвестного фиванского бога Амона неизмеримо возрастал благодаря объединению его с богом Ра. Такой опоместический прием сопровождался сближением в плане мифологии и культа. Вряд ли нужно пояснять, что синкретизм был серьезной брешью в стене, ограждающей политеизм от дальнейшего развития. Это был путь к осознанию, что все боги суть разные проявления одного божества. Иначе говоря, синкретизм медленно расчищал дорогу для появления монотеизма. Одной из форм синкретизма древний египтян также является объединение богов в триады, или троицы: бог-отец, богиня-мать и бог-сын. Это очень древнее и примитивное представление о божествах, связанное с распространением на них земных обычаев, но в истории египетской религии оно сыграло свою роль. Триадами богов в Египте были, например, фиванские Амон, Мут и Хонсу,

мефисские Пта, Сехмет и Нефертум, а также Осирис, Исида и Хор. Последняя троица, как это давно отмечено наукой, оказала влияние на христианскую иконографию: Исида с младенцем Хором на руках является прообразом христианской богородицы с младенцем Иисусом на руках. Божественное семейство символизирует, по сути дела, одно божество, воплощает одну идею. Так, в знаменитом лейденском гимне Амону содержатся следующие слова: “Трое суть все боги – Амон, Ра, Пта. Нет у них равных. Невидимый Амон есть Ра лицом и Пта телом”. Подобные примеры можно было бы умножить.

52.

В тот день я собирался в гости к бабушке с дедушкой. Я взял с собой конфеты и прочие сладости, а также книжку “Неофрейдизм в поисках истины”, чтобы окончательно не сдохнуть у них от скуки и невыносимо громкого звука телевизора, который необходим бабушке по причине ее прогрессирующей глухоты (мы все никак не можем купить ей слуховой аппарат).

Итак, только я приоткрыл наружную дверь, как в образовавшуюся щель проскочила в квартиру уличная собака. Раньше я ее кормил, не знаю почему, просто помогал, чем мог. Но потом, когда во дворе она стала повсюду бегать за мной, она стала меня утомлять. Некоторое время она еще приходила к нашей двери и даже засыпала у порога, но потом, когда я стал поливать водой наш придверный коврик, собака перестала испытывать ко мне сильную симпатию.

На некоторое время она совсем пропала. Я уже подумал, что она сдохла. Но она оказывается жива. Как я уже сказал, только я открыл дверь, как собака тут-как-тут – шмыг в дверь. Она не забежала в комнаты, а просто легла в прихожей. Я рассердился и стал на нее рычать и вообще издавать какие-то нечеловеческие звуки. Собака не шевелилась, и лежала, как дохлая. Но тут я увидел ее глаза, грустные, отчаянные глаза.

Потом прибежал мой брат и стал издавать еще более инопланетные звуки, пытаясь напугать собаку. А она и в самом деле была до смерти напугана. Но не шевелилась, словно твердо решила остаться, пока ее не прибудут. Потом прибежал мой отец. Он переплюнул нас всех по части уникальных звуков. Мы стояли втроем над собакой, промерзшей как почва в районе вечной мерзлоты. Я не узнавал наши голоса, мы говорили как фашистские оккупанты. Наконец, мой отец

не выдержал и стал бить собаку ногами. Она завывала, но, прикрыв лапами морду, продолжала неподвижно лежать. Она и в самом деле готова была умереть. Тогда я просунул под нее ногу и выпихнул за дверь, и она под наше улюлюканье затрусила вниз по лестнице.

Прошло несколько дней, и я забыл об этом инциденте. Однако пару дней назад, когда я вышел на остановку, чтобы заехать проститься с другом, уезжающем в Казахстан, - я увидел продолжение собачьей истории. На этот раз была совершенно другая собака. Итак, стоя на остановке, я некоторое время наблюдал эту “новую” собаку, кормящуюся с рук механиков из соседнего автосервиса. И вот, вдоволь наевшись, собака стала перебегать улицу, как вдруг из-за угла выехала машина и наехала на зазевавшуюся собаку. Собака стала душераздирающе скулить. Она скулила несколько минут, пока ее вой не заметили те самые механики, которые ее кормили. И вот я вижу механиков, подбегающих к истекающей кровью собаке, вот они забивают ее до смерти ногами, вот собака испускает последний жалобный вопль.

Какая ужасная метаморфоза. За несколько минут собаку и накормили, и убили те же самые люди. Я уже не говорю о том гондоне, который сбив собаку даже не остановился. Люди не знают и, наверно, никогда не знали, что такое милосердие.

53.

По-настоящему писать можно только когда настроение хренее некуда. Я наконец получил стипендию, на которую собирался вылечить зуб. И вот я иду в стоматологическую клинику. Из свободных только молодая телка моего возраста, но полностью на понтах – лакшери шмотки и так далее. Я сажусь к ней в кресло, прямо надо мной крошечный разноцветный плюшевый попугайчик с надписью “I love my dentist”, торчащей из клюва. Верхний шестой зуб. Она садится за мной (как на психоаналитическом сеансе) и кладет мою голову чуть ли не себе на колени. Шоу начинается. Укол, жужжание всевозможных стоматологических препаратов, еще укол, точечный кариес, придется удалять нерв, я зарываюсь головой поглубже в ее сиськи, мне страшно, звучит какая-то попсовая музыка, которую я воспринимаю как блэк-метал, она говорит, что все нормально, делает временную пломбу и говорит, что мне нужно зайти через день в то же время.

54.

Я выхожу из клиники с перекошенным от анестезии лицом. Мне еще нужно купить дискету, очень нужно. Я спускаюсь в подземку и говорю продавщице ЫЫЫЫЕ ЫЫЫЫХЕТУ. Она отрывает глаза от кроссворда и жалостливо смотрит на меня. Какую? ТеДеКа. Она хочет положить дискету в целлофановый пакет, я выхватываю у нее дискету, плачу деньги и бегу на маршрутку.

55.

Судя по всему, финальная стоимость этих сучьих стоматологических услуг сильно прыгнет, придется снова кланчить у родителей. Я-то думал, что стрельну у них только на транспорт до следующей стипендии, а вышло что “стрелять” у меня, видимо, на лбу написано.

56.

Но лажа не приходит одна. В этот же вечер по телику я вижу ту самую, которая своей нелюбовью высосала из меня всю жизнь и, видимо, живет теперь за нас двоих. Она ведущая одной из телевизионных программ. Она маячит у меня перед глазами и с каждой секундой все динамичнее увеличивает вероятность моего самоубийства. Она на синем фоне. Как яркое солнце посреди чистого голубого неба. Что-то идет не так. Что-то не так. Я потерял ключи от самого себя.

57.

Мне нужно снять фильм, мне непременно нужно снять фильм про парня, потихоньку сдыхающего от безответной любви. Я вырастил ее рот в моем рту, но сейчас ее рот вырос, покинул гнездо и улетел в жаркие страны. И чтобы в этом фильме нигде не было видно этой самой бабы, предмета моей страсти и почитания. А парень чтобы весь фильм был не в фокусе. И чтобы в течение всех последних 15 минут фильма были показаны ее глаза, блядские наглые и красивые глаза.

58.

Я записал ее телепередачу на видеокассету. Теперь иногда смотрю ее перед сном. И во сне она приходит ко мне. Она обычно подходит ко мне и спрашивает типа: зачем ты меня снова вызвал. А я молчу и улыбаюсь. Она надевает на меня смирительную рубашку, обливает бензином и поджигает. Я стою перед ней и горю, я никуда не бегу, я не сопротивляюсь, а она мне все кричит: Говори! Говори! Говори! И я говорю: спасибо.

59.

Лабиринты, по которым я скитаюсь большую половину своей жизни, продолжают множиться. Я не вижу лиц, только стены, стены.

60.

Мой десятилетний двоюродный брат рассказал мне интересную и довольно “правдивую” историю. По его рассказам, по соседству с ними живет мальчик, который побывал в животе у кита. Этот мальчик “нечаянно купался” и не заметил, как поблизости пил воду кит. Кит заглотнул мальчика и тому пришлось прожить у него в брюхе три дня. Потом мальчика вытащили. После этого случая у мальчика на ногах по шесть пальцев.

Я сказал своему брату, что такое невозможно, чтобы человек три дня жил в брюхе у кита. Тем более, что ближайший от нас кит может находиться не ближе, чем в 10.000 км от нас. А брат сказал, что я не прав, поскольку как тогда объяснить тот факт, что у мальчика стали расти шестые пальцы на ногах.

Когда я сказал своему двоюродному брату, что мне нужны интересные истории для моего романа, то он пообещал мне запоминать каждую услышанную в школе странную историю. Потом он попросил меня показать “мой роман”. Он заглянул в компьютер и сказал: “Как много букв”. А потом добавил – “Да ты настоящий вундеркинд”.

61.

В финале фильма “Спайдермен” главный герой отказывает своей возлюбленной во взаимности. Я удивлен – разрушены все каноны голливудского фильма. И вот Спайдермен поясняет свою позицию: «У меня огромная сила, которую я должен направить на служение человечеству и борьбу с несправедливостью. Больше всего на свете я хотел бы остаться с тобой. Но я не могу этого сделать: большая сила требует большой ответственности». Как одно может мешать другому? Думаю, спайдермен – латентный гей.

62.

Когда я начинал писать этот роман, то даже не подумал, что мое название практически дублирует имя героя этого нашумевшего голливудского фильма “Матрица” с Кеану Ривз. Может, я бессознательно желал назвать так свой роман, поскольку еще до выхода “Матрицы” у меня была схожая с фильмом концепция общества будущего. Но меня опередили, и я был на них очень зол. Потому что даже представить себе не мог, что можно обосрать такую глубокую и оригинальную идею.

Таким образом, “Матрица” сослужила мне добрую службу. И поскольку у меня уже имелись кое-какие записи, которые было жаль забрасывать и которые назывались “Дневники неоавангардиста” и которые потом были сокращены до “Дневников Нео” а потом до “Нео”. А потом я решил немного упростить роман, разбив его на три части – и он стал называться “3D NEO”.

63.

Где-то в районе 17-ти часов мне позвонили. Кому-то пришла в голову сенсационная мысль – поставить одну из моих пьес. Мы договорились встретиться, чтобы обговорить детали постановки. На следующий день мы встретились. Это был невысокий заросший богемный парень с правильными чертами лица и цветастым шарфом. Через несколько минут разговора все сразу стало ясно: это была скорее шпионская встреча инопланетян на вражеской территории. Точно такая же, как и мои ежемесячные встречи с Гарри, с которым я обмениваюсь появившимися у меня за месяц новыми дефицитными дисками и

кассетами с записью самой сумасбродной музыки на свете. Мы обмениваемся информацией, которую собираем по крупицам. Информацией, от которой зависит вся будущая судьба передового человечества. Информацией, которая может нас выдать. Никто в целом свете не знает, кто мы. Мы работаем в подполье.

Итак, парень оказался режиссером авангардной труппы, специализирующейся на перформансах, акциях, хэппенингах и прочих формах нонконформистского театра. А так как мои пьесы, которые мог прочесть Ву (так его звали) на моем сайте, написаны в классической манере театра абсурда, то я засомневался в заинтересованности Ву серьезно заняться моей пьесой. Потом, правда, я понял, что речь идет о невербальной интерпретации пьесы. Мы говорили около двух часов, в течение которых в нашу беседу были затолканы практически все известные левые философы и деятели искусства. Мы жарко обсуждали каждую новую деталь, всплывшую в разговоре, и тем не менее не пропускали взглядом ни одной проходившей мимо юбки. Удивительно, как оценочные замечания по поводу какой-либо части женского тела органично вплетались в серьезнейший разговор о судьбах себя в искусстве и искусства в нас. Потом он рассказал свою историю. Как он отдал искусству все, и теперь он ничто. Он рассказывал практически обо мне. У нас было много общего. Наверно, в искусстве все несчастные эпизоды похожи друг на друга, а все счастливые - счастливы по-своему.

64.

В тот же вечер я написал странное эссе «Пчелы». Смысл эссе был довольно простой: у нее между ног тысячи, миллионы дышащих вагин, они расположены одна возле другой, и в этих сотах 24/7 трудятся жужжащие пчелы моих желаний.

65.

Вероятно, жизнь людей очень тесно переплетена с жизнью насекомых. Между ними намного больше общего, чем кажется на первый взгляд. Разве все эти люди в общественном транспорте не похожи на рой мух, муравьев или шершней?

66.

Но несмотря ни на что я оптимист. Я уверен, что когда-нибудь жизнь наладиться. Занятие искусством можно будет сочетать с обычной жизнью, а разнузданное воображение не вынесет психику из нормального спектра. И тогда кто-нибудь обязательно вспомнит что-то из написанного мной. Из того, где продолжает жить грустный солнечный мир Эмиля Петросяна.

ПРОСТРАНСТВО

67.

С того момента, как писатель перестал быть выразителем универсальной истины и превратился в носителя “несчастливого сознания”, его первым актом стал выбор формы. Ведь, как говорил Барт, если форма необычна для своего времени и своих современников, то она превращается в воплощенное одиночество.

68.

С одной стороны я пишу, чтобы уединиться, а с другой, я понимаю, что именно письмо позволит мне преодолеть ту глубокую изолированность моего “Я” от всех остальных. Мне хочется пробиться к Другому, мне хочется обрести коллективное чувство стремления к полноценности жизни, мне хочется показать наконец людям людей.

69.

Есть определенная группа людей, для которых иметь вещь, принадлежащую другому человеку или желаемую этим другим человеком, - означает поиметь самого этого человека. То есть пока я имею его вещь, я имею и его.

70.

Для меня слова давно уже стали сломанными игрушками взрослого человечества. Мы учились по этим игрушкам жить. И наши родители считали, что игрушки – имитаторы жизни. Мы постигали жизнь через игрушки, через игрушки мы узнавали свое отношение к себе и другим. Но все дело в том, что не игрушки имитация жизни, а жизни – имитация игрушек. Мы достигли совершенства в симуляции. Наши игрушки гниют в каком-нибудь подвале или на чердаке, пока мы обставляем свою жизнь их бесконечно множась производными, жалкими подделками, призванными вернуть нам утраченное в детстве счастье.

71.

Когда. Загадочное слово. Загадочных слов так много. Например “любовь”. Просто слово. Что заставляет меня любить ее. Говорят, что некоторые шизофреники узнают людей не по внешнему виду, а по тематическому содержанию речи. У всех людей есть своя тема, на которой они заикливаются. Время лечит все раны. Однако лечение может оказаться неудачным. Лечение может иметь побочные эффекты. Когда лечишься, всегда есть риск оказаться в еще большей беде.

72.

Слово. Все мы производим слова. И производим их в таком количестве, что наверняка давно уже поставили ноосферу перед фактом страшной катастрофы. Мы производим и потребляем слова, точно так же, как если бы работали на заводе или в офисе. Слова – это продукция, которую нам необходимо реализовать. И вот мы пускаемся во всевозможные маркетинговые исследования. Мы продаем слова, поскольку считаем, что, продав их, нам удастся уберечь от продажи самих себя. Но все намного печальнее. Мы давно уже не принадлежим себе. Мы штабелями лежим на складах общества. И только в словах еще осталось немного нашей воли. И с каждым днем этой воли все меньше и меньше, мы понимаем, что с нашими словами что-то не то, что они уже не работают, и мы в панике пытаемся обогатить слова удовольствием, отгоняя от себя тот факт, что без волевого акта слова пусты. Они пусты, как банки съеденных в прошлом году варений.

73.

Я часто думаю о словах. Я практически не думаю о людях, о разных реальных явлениях, о расцветающих деревьях и теплой весенней погоде, - я думаю только о словах, я погребен в слова, я изуродован словами. Я использую слова, чтобы объяснить слова, глупое занятие. Сегодня встретил одну знакомую с моей прежней работы, спросил типа как дела. И она сказала, что вкалывает с 9:00 до 21:00, получает немного, но довольна жизнью. Страшная ужасающая человеческая картина рабства, с которым у меня почти уже нет сил бороться. Такие, как она, делают жизнь гуманистов невыносимой.

74.

Как-то я шел по улице, был жаркий июльский день, я попивал пепси и пот тек с меня градом. Мы ходим и ходим по улицам, подталкиваемые в спину и в зад конвоем дорогих ресторанов и магазинов, банков и бизнес-контор. Нас ведут по улицам, которые давно уже стали атрибутами нашего заточения, нас ведут по пути скотского подчинения, нас ведут в загоны, из которых нам не уже выбраться, нас ведут на гибель нашей индивидуальности. Каждый день я встречаю людей, не способных мыслить вне стереотипов. От стереотипов быдла до стереотипов интеллектуалов. Я не вижу людей, готовых выйти за рамки. Мы даже не заметили, как давно уже не существует слов “этика”, “аксиология”, “гуманизм” и т.д. Ведь сегодня все подобные слова и понятия можно заменить одним словом – экономика. Все остальное призраки, просто понятия, пережившие человека.

75.

Капитал – это мертвый труд, который подобно вампиру, оживает лишь путем всасывания живого труда.

Человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить.

76.

Элиты, истэблишмент, парламент, академия наук – виселица живых мыслей – и буржуа, тысячи плодящихся, жиреющих буржуа.

Я с детства ненавижу жирных, всегда себя за обед продавая.

77.

Еще совсем недавно я читал статью Умберто Эко о некоторых тенденциях возврата к средневековым традициям. И сегодня, когда мне попалась реклама одного элитного дома,- и я понял, что мы давно уже живем в средневековье.

Безобидная разноцветная реклама нового элитного комплекса в самом центре. Фасад из долговечных материалов типа керамогранита и натурального камня,

интегрированных в монолитную конструкцию здания. Самое передовое техническое оснащение, в том числе бесшумные скоростные лифты. А также аквапарк, фитнес-центр, теннисные корты, спортзалы, детские городки, спортивные площадки, специальная круглосуточная охрана и т.д. Большой внутренний двор превращен в регулярный парк с детскими и спортивными площадками. Комплекс имеет оригинальный архитектурный облик. Интерьеры здания выполняются с применением лучших отделочных материалов. “Жемчужиной” комплекса является аквапарк с бассейном, саунами, турецкими банями и солярием. В досуговую зону входят фитнес, боулинг, салон красоты, бильярдная, медицинский центр, детский клуб, панорамный ресторан. Здание насыщено самым современным инженерным оборудованием: оптоволоконными коммуникациями, системами приточно-вытяжной вентиляции, спринклерной системой пожаротушения, спецлифтами. В подземном гараже располагаются автомойка и сервис. Квартиры имеют свободную планировку. Широко используются зимние сады, эркеры и панорамное остекление. Окна квартир выходят на парк или тихие скверы. С верхних этажей открывается замечательная панорама центра города. И таких жилищных комплексов все больше и больше. Чем не замки феодалов. Замки, населенные городской знатью и оставившие за своими крепостными стенами прочий низший люд.

78.

Вот тогда я и вышел на это слово. ЛЮБОВЬ. Невероятно, но факт: некоторые слова знаменуют собой выход из лабиринта, в котором блуждал всю жизнь. Но иногда выход из одного лабиринта совпадает со входом в другой.

Может, когда-нибудь мне и удастся выбраться из этого заколдованного лабиринта. Я боюсь только одного. Я очень боюсь только одного – а вдруг за этими лабиринтами нет ничего.

Жизнь – это боль, садо-мазохистское приключение, но всегда есть стоп-слово.

79.

Мне позвонили вчера. Пришел мой 11-ый номер «Иностранной литературы» за этот год. На моей кредитной карточке давно \$0.00. В тот день я многое понял.

Мне неоткуда было взять деньги. Я бродил по городу с двумя книжками в сумке: “Современное западное искусство” и “Социальная психология искусства”. Одну я купил на последние деньги недавно в подземке, а другую взял из библиотеки. Книги не спасали меня. Скорее, я спасал книги.

80.

Недавно смотрел передачу про эволюцию. Нет, человек не является совершенным созданием. Каким образом в процессе эволюции в человеке объединились дыхательная и пищеварительная системы? Разве это не ошибка?

81.

В том что я есть есть что-то, чего во мне нет, но это далеко не то, что могло бы быть со мной, будь я там, чтобы что-то и в самом деле могло сделать меня таким, какой я есть и продолжаю оставаться, когда меня нет.

82.

Если богатые станут бедными, то бедные станут растениями.

83.

Нулевая степень красоты. Почему в театрах хлопают, а не мастурбируют? Одиозное стремление жить. Обычно вопрос ставится так: верите ли вы в бога? На самом деле, его нужно ставить иначе: верите ли вы в то, что верите в бога?

84.

Письменный этюд для чтения в восемь глаз, шесть ушей и четыре руки.

Я всегда жил под диктатом реликтового свечения ее глаз.

85.

Художник – это человек, обладающий удивительной способностью наводить на предмет, а не указывать на него. Ведь указать на что-то значит признать это законченным. А это означает смерть для всей человеческой культуры.

86.

Слушая ритм-секцию Led Zeppelin, мне не терпится сыграть соло на калькуляторе.

87.

Мне срочно нужно разинсталлировать ее, она попала в меня как компьютерный вирус. Я не хочу сносить всю систему, я хочу удалить только ее.

88.

Я разоблачил ее. Она гуманоид, посланный на землю, чтобы изменить мое будущее.

89.

Ситуация преодоления преодоления. Единственное преимущество современной цивилизации в том, что теперь отчаянные послания запечатываются не в бутылку, а в компьютер. Убить убийцу за убийство. Там, где кончается мир и начинаются глаза художника.

90.

Человек – это не то, что он из себя представляет, а то, что с ним происходит. Человек – это не то, что с ним происходит, а то, чем он себя окружает. Человек ищет не то, что хотел бы найти, а то что не хотел бы потерять.

91.

В том ослепительном солнечном сне она плавала в бассейне и мило смотрела на меня. Я представлял, что веду ее на выпускной. Она пыталась что-то сказать, но ее остановил: «Не говори ничего, пока я не кончу».

92.

День независимости. Сегодня моей маленькой стране, которая открыла мне глаза на многие прелести человеческой подлости, исполняется 10 лет. 10 лет независимости. Мы можем гордиться этим. Сложные системы хрупки настолько, что все, что делается внутри них делается против них.

93.

Утром в понедельник 17 ноября 1958 года комендант аспирантского общежития, где жил Танияма, обнаружил его мертвым. На столе лежало предсмертное письмо. Оно заняло три страницы из блокнота, в котором он обычно производил вычисления. Первый абзац письма гласил: “Вплоть до вчерашнего дня у меня не было определенного намерения покончить с собой. Но многие обратили внимание на то, что последнее время я очень устал и физически, и умственно. Что касается причины самоубийства, то она не вполне понятна мне самому, но во всяком случае не является результатом чего-нибудь конкретного. Могу только сказать, что нахожусь в таком умонастроении, что утратил всякую уверенность в моем будущем. Возможно, кого-нибудь мое самоубийство встревожит или до какой-то степени огорчит. Я искренне надеюсь, что этот случай не омрачит будущее этого человека. Во всяком случае, я не могу отрицать того, что мой поступок отдает предательством, но прошу отнестись к нему снисходительно, как к последнему поступку, который я совершаю по своей воле. Всю свою жизнь я делал то, что хотел”. Далее Танияма очень скрупулезно описывает, как следует распорядиться его имуществом, какие книги и пластинки он брал в библиотеке или у друзей. В частности, в его последнем письме говорится: “Я хотел бы оставить пластинки и проигрыватель Мисако Сузуки, если ей не будет неприятно получить их от меня”. Затем он поясняет, на чем остановился, читая курсы математического анализа и линейной алгебры для студентов, и приносит своим коллегам извинения за те неудобства, которые причинит им его поступок. Это был

один из самых блестящих и новаторских умов своего времени, ушедший из жизни по собственному желанию. Всего лишь за пять дней до самоубийства ему исполнился тридцать один год.

94.

Я бы хотел написать книгу о том, как я читаю книгу. А потом еще книгу о том, как я пишу книгу о том, как я читаю книгу. И так далее. Писать письма самому себе, - довольно приятно. Читать письма, адресованные самому себе, - замкнуть общение.

Я не получаю почты – ни в виде бумажных, ни в виде электронных писем. Я не выписываю газет, потому что в них нет ничего, что могло бы меня заинтересовать (разумеется, кроме рекламы, направленной на неизменное удовлетворение потребительской необходимости в количественной и качественной информированности относительно новых видов товаров, - к которой я как потребитель не могу оставаться равнодушным).

Я люблю смотреть телевизор и поносить правительство. В жаркие и холодные дни нет ничего лучше, чем дрыхнуть на старом скрипучем диване. Раздаются звонки. Мне звонят. Мы говорим о чем-то. Обсуждаем, хотя и прекрасно знаем, что новости приходится высасывать из пальца, а реакцию на них – тем более. Промежуточные интересы. Таким образом, вполне можно сказать, что я живу единственным и полноправным губернатором острова, на который меня выбросило волной интеллектуального становления. Робинзон. Иногда в потоке анонимно отправленных и анонимно принятых частностей вполне определенно можно распознать процесс общения. Колебания и угасание известных тем и персонажей. Лоб за лбом прагматический разум опутывает нас.

95.

Выступила простуда на губах. Я открываю тетрадь со своими заметками. Я почти совсем перестал что-либо понимать. Особенно себя. Все проносится перед моими глазами, не оставляя сколько-нибудь запоминающихся образов. А те, которые и остаются... лучше б они не оставались.

96.

Это уже было после встречи с ней. Фиг знает, почему я шел и ни на что не смотрел. Это сейчас, когда я сижу в теплом кресле и попиваю горячий чай, а на дворе студенистое варево из механически прилаженных друг к другу людей, - я могу писать и говорить, что обдумываю мысли. На самом же деле трудно сказать, является ли то, что я измышляю мыслью. Я очень скоро заметил, что мне не хватает дыхания. Не хватает нового движения, или скорее новой способности двигаться. Я смотрел на высвеченные в разноцветных витринах цены. Я смотрел на людей, расположившихся в кафешках по всему периметру громадного безликого многоугольника, центр которого перемещался вместе со мной. И в это мгновение мне было приятно чувствовать, что я начало координат. А мир – лишь фон, перемещающийся со мной.

97.

Иногда я целыми днями лежу в постели, пытаюсь разобраться, кто я и где я нахожусь. Стоит ли Человек того, чтобы за него бороться? Я сотни раз задаю себе этот вопрос и - не нахожу ответа. Я продолжаю бороться. Я должен бороться. У меня нет выхода.

Боги сбежали из храмов. Меня зовут Эмиль Петросян. Я тот, кто пытается их догнать.